

Его душа осталась жить

С. Сенча - 2001 - 9 апр. - с. 6

“Листки старинного альбома...”. Так назывался концерт в Малом зале Филармонии, посвященный памяти Валерия Гаврилина, - два года назад, зимой 99-го, композитор ушел из жизни. Казалось, его музыка, “замешенная” на бытовых интонациях минувших времен, останется навечно связанной с эпохой шестидесятых - восьмидесятых. Быть может, так думал и сам автор. Уже больной, заметно одряхлевший в последние годы, на вопрос, почему он не спешит показывать новые опусы, работая “в стол”, композитор отвечал: “Кому это нужно? Зачем? Не нужны мои сочинения...” Получилось иначе. Фестивали, посмертные премьеры, авторские вечера говорят не только об интересе к этой музыке, но даже о “моде на Гаврилина”, уверенно шагнувшего вместе с нами в двадцать первый век.

Валерий Гаврилин похож на человека, намеренно оставшегося дома в то время, как все его сверстники-коллеги отправались искать счастья кто куда: одни в усложненное аналитическое письмо, другие в лабиринты изощренной звукописи и технической музыки. Кто-то запутался в темных дебрях авангарда, но большинство вернулось обратно, к простоте и мелодичности.

И Гаврилин застал этот стилистический поворот и новое увлечение “примитивами” на том же месте, где был всегда, и даже, кажется, не удивился всеобщему возвращению.

Он верил, как законченный идеалист, что музыка - для массового слушателя. И этот невиданный на вечерах современного искусства “широкий филармонический слушатель”, как выяснилось, не вымер, подобно мастодонту, а действительно существует. Концерт без мировых премьер, “первых исполнений в России” и звездных имен собрал аншлаг, причем музыка Гаврилина одинаково понятна и дорога как молодым, так и тем, кто постарше.

Наверное, сегодня нет или почти нет на свете поколения, запечатленного в его сочинениях, - юных вдов, выросших детей, смутно, а то и совсем не помнящих отцов; будущих мужчин, которых воспитывали бабы - тетки, крестные, старшие сестры, вынесшие на своих плечах послевоенное лихолетье; сирот и полусирот, ничего не знающих о судьбе репрессированных родителей...

Уходит в прошлое и тот слой горожан, которые помнили чаепития на кухнях семи-десятикомнатных коммунальных квартир, где вчера ссорились, а нынче мирились. Людей, умевших довольствоваться малым - лишь бы не было войны! - картошкой с кислой капустой (четырнадцать копеек килограмм), чаем с “подушечками”, телевизором с маленьким экраном и толстой линзой.

Певец мешанства и серых будней? Гаврилину, умевшему с любовью взглянуть в лицо и душу “скромнейшего из встречаемых”, быт не казался чем-то низменным. Художник, не боявшийся банальностей, запоздавший на полтора столетия “новый Варла-

мов” во времена цветения музыкального авангарда выглядел ограниченным, провинциальным и слегка смешным.

Сегодня его мысль о невозможности существования “высокого” без “обыденного” кажется единственно плодотворной и истинно ценной. Не сравнивая величины, задумаемся над нынешней гиперпопулярностью Рахманинова или Чайковского, современники которого упрекали его музыку в том, что все в ней знакомо и узнаваемо, что тут и там мелькают в мелодиях мотивы чьих-то вальсов, арий, романсов...

Музыкальные страницы концерта перемежались с поэтическими. Звучали стихи Валерия Гаврилина, отрывки из писем и дневников (чтец - Алексей Емельянов). Исполнялись сочинения разных лет. Мелодичный вокальный цикл “Вечерок” - трогательная, непридуманная история героини, вспоминающей свой недолгий, быть может единственный роман. Инструментальная сюита “Зарисовки” и песни, о которых лет десять-пятнадцать говорили так: из репертуара Таисии

Калинченко, Людмилы Сенчиной или Эдуарда Хилля. Фрагменты неизвестного балета “Женитьба Балзаминова”. Вальс и Тарантелла из знаменитой “Анюты”, удивившей мир точным попаданием в чеховский стиль, своим нестандартным прочтением темы маленького человека, столь характерной для отечественного искусства.

Известный петербургский ансамбль “Скоморохи” продемонстрировал в этот вечер сыгранность, отличный вкус и высокую культуру, а его руководитель Виктор Акулович - еще и мастерство аранжировщика: его переложения нарядны и изобретательны. Стройные тутти оттеняли игру солистов - Константина Шаханова (гусли звончатые), Алины Богук и Татьяна Костяной (мандолины).

В дуэте сопрано Оксаны Швед и пианистки Елены Спист превалировало фортепиано, более точно и выразительно передававшее авторский замысел. “Комнатное” пение казалось скорее музцированием, чем исполнением: простота гаврилинского текста - кажущаяся; мешала вокалистка и плохая дикция.

“Я - композитор. В моих руках - музыка”, - написал однажды в дневнике Валерий Гаврилин - для себя, не для посторонних



глаз. Хранителем музыки - эмоциональной, искренней, открытой аудитории, далекой от чрезмерного, иссушающего интеллектуализма, - называют Гаврилина многие.

Его душа останется жить в простых, обаятельных мелодиях и тогда, когда забудется облик автора - человека обычного, заурядного, ничем не примечательного, с внешностью “не композиторской” - такой, что никто из прохожих не обратит внимания.

“Я с любопытством жду, что будет там - после смерти...”